

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2018.4.13

Правильная ссылка на статью:

Алмакаева А. М., Волченко О. В. Динамика социального капитала в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 273—292. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.13>.

For citation:

Almakaeva A. M., Volchenko O. V. (2018) Dynamics of Social Capital in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 273—292. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.13>.

А. М. Алмакаева, О. В. Волченко ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В РОССИИ

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В РОССИИ

АЛМАКАЕВА Анна Михайловна — кандидат социологических наук, заместитель заведующего Лабораторией сравнительных социальных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
E-MAIL: aalmakaeva@hse.ru
ORCID: 0000-0003-2710-1525

ВОЛЧЕНКО Олеся Викторовна — младший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург Россия.
E-MAIL: oleolesko@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2595-8069

DYNAMICS OF SOCIAL CAPITAL IN RUSSIA

Anna M. ALMAKAEVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Deputy Head
E-MAIL: aalmakaeva@hse.ru
ORCID: 0000-0003-2710-1525

Olesya V. VOLCHENKO¹ — Junior Research Fellow
E-MAIL: oleolesko@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2595-8069

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. Статья посвящена анализу социального капитала в Российской Федерации. В отличие от распространенной классификации Р. Патнема, в статье рассматриваются не два, а три типа капитала (семейный, неформальный, формальный), каждый из которых содержит социальное и структурное измерение. В работе используются данные Всемирного исследования ценностей в период с 1990 г. по 2017 г. Согласно результатам исследования, семейный социальный капитал оставался довольно стабильным на протяжении всего рассматриваемого периода. Важность друзей и доверие знакомым — показатели неформального капитала — продемонстрировали разнонаправленные тренды: восходящий для первого и нисходящий для второго. Структурное измерение формального социального капитала (членство в НКО и подписание петиций) характеризовалось положительной динамикой, а индикаторы социального измерения также показали противоположные тенденции. Генерализованное доверие в России выросло, а уровень осуждения взяточничества, неуплаты налогов, безбилетного проезда и неправомерного получения государственных пособий, наоборот, довольно значительно снизился.

Ключевые слова: семейный социальный капитал, неформальный социальный капитал, формальный социальный капитал, доверие, гражданская активность, просоциальные установки

Благодарность. Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 16-36-00372 «Формальный, неформальный и семейный социальный капитал: кросс-культурный анализ с использованием иерархического регрессионного моделирования».

Abstract. The article provides an analysis of social capital in the Russian Federation. Unlike the commonly used two type R. Patnem's classification, the article considers three types of capital, (family, informal and formal capital), which, in turn, have social and structural dimensions. The paper is based on the data of the World Values Survey covering the period from 1990 through 2017. The survey data show that family capital has been stable over this period. Informal capital indicators, such as importance of friends and trust in friends, show opposite trends: an upward trend for the former and the downward trend for the latter. Structural dimension of formal social capital (membership in NGO and signing petitions) is characterized by positive dynamics, whereas social dimension indicators are negative. Generalized trust has increased, however intolerance towards bribe-taking, cheating on taxes, avoiding a fare on public transport and claiming government benefits, which a person is not entitled to, have considerably decreased.

Keywords: family social capital, informal social capital, formal social capital, trust, civil activity, prosocial settings

Acknowledgment. The paper is supported by the RFBR grant no. 16-36-00372 «Formal, informal and family social capital: a cross-cultural analysis using hierarchical regression».

Теоретические и эмпирические подходы к анализу социального капитала

В последние десятилетия интерес к проблематике социального капитала неуклонно растет. Считается, что государства «богатые» имеют больший потенциал для развития и более высокое качество жизни. Как отмечает Алехандро Портес, социальный капитал превратился в своеобразную «панацею» от всех общественных бед и недугов [Portes, 1998].

В то же время в литературе наблюдается некоторая неоднозначность в плане сущности этого концепта. Элеонора Лолло, например, собрала в своей работе около 40 различных определений социального капитала [Lollo, 2012]. Такое разнообразие связано с тем, что, во-первых, социальный капитал — многокомпонентное явление, во-вторых, он может быть проанализирован как на уровне индивида, так и на уровне общества в целом. Структура социального капитала, его элементы и фокус анализа напрямую связаны с подходом, используемым тем или иным исследователем.

Одна из первых дефиниций принадлежит Пьеру Бурдьё. Он сводит социальный капитал к совокупности реальных или потенциальных ресурсов, которые предоставляют индивиду сети его социальных связей. Эти ресурсы, в свою очередь, могут трансформироваться в ряд экономических выгод [Бурдьё, 2002]. Близка к концепции П. Бурдьё позиция Джеймса Коулмана. Для него социальный капитал также имеет продуктивный характер и способствует достижению определенных целей, добиться которых без него невозможно [Coleman, 2001]. В отличие от Бурдьё, Коулман считает, что социальный капитал укоренен в социальной структуре и в этом смысле не является характеристикой индивида. Более того, им могут обладать и более крупные социальные образования, например, организации, группы, локальные сообщества и т. д. Как отмечает Майкл Тзанакис, подобная точка зрения позволяет рассматривать социальный капитал как коллективное, а не личное благо [Tzanakis, 2013].

Такая идея нашла свое продолжение в работах Роберта Патнема. Этому автору принадлежит один из самых цитируемых подходов к социальному капиталу. Патнем определяет его как «характеристики социальной жизни — сети, нормы и доверие, — которые способствуют совместной деятельности для достижения общих целей» [Putnam, 1995: 664—665]. Далее он проводит грань между так называемым «разделяющим» (bonding, exclusive) и «объединяющим» (bridging, inclusive) социальным капиталом¹. Первый тип усиливает внутригрупповые идентичности и гомогенность групп, второй, наоборот, соединяет людей с различными социальными позициями [Putnam, 2001: 22]. Иными словами, эксклюзивный социальный капитал должен продуцироваться в процессе взаимодействия с представителями ин-групп, а инклюзивный — с представителями аут-групп.

Работы Р. Патнема положили начало дискуссии о том, в каких отношениях должны находиться «разделяющий» и «объединяющий» социальный капитал. Долгое время считалось, что «разделяющий» социальный капитал оказывает негативное воздействие на «объединяющий» и является своеобразным тормозом, не позво-

¹ В русскоязычной литературе встречается и другая версия перевода терминов «bonding» и «bridging» как «закрытого» и «открытого» социального капитала. На наш взгляд, вариант «разделяющий» и «объединяющий» более адекватен, так как четко отражает природу и функции различных типов капитала в трактовке Р. Патнема.

ляющим социальным взаимодействиям выйти на новый уровень — уровень работы на общественные, а не личные цели. Такой точки зрения во многом способствовали книги Эдварда Банфильда [Banfield, 1958] и Френсиса Фукуямы [Фукуяма, 2004], но существующие эмпирические работы демонстрируют неоднозначные и порой даже противоречивые результаты (подробнее об этом см: [Алмакаева, Welzel, Ponarin, 2017]). Анализ теоретических подходов и эмпирических исследований позволяет сделать ряд выводов относительно причин, порождающих такую ситуацию.

Во-первых, социальный капитал — это комплексный концепт, состоящий из нескольких измерений. *Во-вторых*, даже если ученые сходятся в его определении, показатели социального капитала могут сильно отличаться друг от друга. Не последнюю роль сыграли крупномасштабные межстрановые исследования (Всемирное исследование ценностей, Европейское исследование ценностей, Европейское социальное исследование и т. д.). Поскольку работать приходится с готовыми массивами данных и вторичным анализом, исследователи пытаются вписать в теоретические схемы уже существующие в анкетах кросскультурных проектов вопросы, а не разрабатывать свои собственные.

В-третьих, еще одна особенность, на которую следует обратить внимание, — природа индикаторов социального капитала. В ряде случаев он операционализируется через поведение, а в ряде случаев — через установки. Осознавая это обстоятельство, Джанин Нахапиев и Саманта Гошал разделили социальный капитал на три относительно самостоятельных измерения: структурное, социальное (relational)² и когнитивное. Структурное измерение описывает наличие социальных связей между различными акторами и их характеристики, например, плотность, иерархию и т. п. Социальное измерение отражает установки и чувства в рамках существующих связей, а когнитивное — разделяемые участниками репрезентации, интерпретации, системы значений и кодов, а также язык. Строго говоря, последнюю составляющую довольно сложно адекватно операционализировать, поскольку она фактически относится к некоему общему культурному контексту [Nahapiet, Ghoshal, 1998].

В-четвертых, из-за различных измерительных схем возникает и вариация в полученных результатах, что логично, поскольку под одними и теми же теоретическими ярлыками скрываются различные с точки зрения операционализации понятия. Дополнительным фактором здесь служит также и то, что в зависимости от эмпирической базы набор стран в выборке, на которой тестируются гипотезы, также различается. Например, Европейское социальное исследование и Европейское исследование ценностей ограничиваются только Европой, Всемирное исследование ценностей охватывает 90 % регионов мира.

В-пятых, несмотря на привлекательность оппозиции «разделяющий» — «объединяющий» социальный капитал, исследователям не удалось достичь единства в вопросе о том, принадлежность к каким группам превращает инклюзивный капитал в эксклюзивный. Так, Альберто Алесина, Паола Джулиано, Катаржина и Якоб Гровек к «разделяющему» капиталу причисляют семейные связи [Alesina,

² В данном случае термин «relational» переведен как «социальный», поскольку речь идет о социальных взаимодействиях и социальных установках.

Giuliano, 2010; Alesina, Giuliano, 2011; Growiec, Growiec, 2014]. При этом к «объединяющему» капиталу Катаржина и Якоб Гровек относят друзей, коллег, членов церковных общин, спортивных клубов и некоммерческих организаций [Growiec, Growiec, 2014]. Юха Кярияйнен и Хейкки Лехтонен, напротив, считали друзьями элементом «разделяющего» капитала [Kääriäinen, Lehtonen, 2006].

Для решения этого противоречия целесообразно воспользоваться подходом, представленным в статье Флориана Пичлера и Клэр Уоллес [Pichler, Wallace, 2007]. Они предложили деление на формальный (генерализованное доверие и членство в некоммерческих организациях), неформальный (контакты с друзьями, коллегами, соседями, а также получение помощи от представителей этих групп) и семейный, или фамилистический капитал (получение помощи от членов семьи и контакты с ними). Неформальный социальный капитал здесь идентичен понятию «слабые» связи, предложенному Марком Грановеттером [Грановеттер, 2009].

К такой трактовке авторов подтолкнули результаты анализа 27 стран Европы, проведенного на материалах двух исследований — Евробарометра и Исследования качества жизни. Согласно их данным, на юге Европы доминировал только семейный капитал, Скандинавские страны и Нидерланды характеризовались высоким уровнем всех трех типов социального капитала. В Восточно-Центральной Европе, на Балканах, и странах Балтии семейный и неформальный социальный капитал были довольно распространены, а вот формальный капитал оказался менее выражен [Pichler, Wallace, 2007].

Если соединить идеи Джанин Нахапиев и Саманты Гошал с идеями Флориана Пичлера и Клэр Уоллес, можно внести некоторую четкость в анализируемое предметное поле. Поскольку когнитивный компонент довольно сложен для изучения, имеет смысл работать только со структурным и социальным измерениями социального капитала.

Комбинируя эти подходы, мы опишем тренды различных элементов социального капитала в России. Ряд исследований показывают, что Россия — страна, где доминирует «разделяющий» и слабо развит «объединяющий» социальный капитал [Рукавишников, 2008; Сасаки и др., 2010; Соболева, 2010]. Кроме того, существует расхожее мнение, что после крушения Советского Союза, социальный капитал в стране сократился практически до нулевого значения. Применяя более тонкую классификацию, мы посмотрим, насколько эти утверждения справедливы, и в какой мере тренды разных элементов капитала связаны друг с другом. Такой подход важен и с теоретической, и с методической точки зрения. Если тренды разнонаправлены, следовательно, эти показатели не стоит комбинировать в один индекс. Более того, у них должны быть разные детерминирующие факторы.

Для лучшего понимания специфики мы будем сравнивать Россию, во-первых, с государствами бывшего СССР, и, во-вторых, с другими государствами мира, участвовавшими в шестой и, где это необходимо, пятой волне Всемирного исследования ценностей³. Это позволит понять, как выглядит Россия на фоне стран, испытывавших такие же социальные трансформации, и как она выглядит на фоне мировых лидеров и аутсайдеров.

³Седьмая волна в данный момент находится в процессе сбора и будет доступна только через несколько лет.

Базы данных и показатели социального капитала

Как уже было отмечено, способы измерения социального капитала чрезвычайно многообразны. Для целей данной работы необходимы такие показатели, которые, с одной стороны, позволят построить долговременные тренды, а с другой — сравнить Россию с другими странами. Строго говоря, указанным условиям удовлетворяет только Всемирное исследование ценностей (WVS)⁴. Россия принимала участие в пяти раундах WVS (1990, 1995, 2006, 2011 и 2017⁵ гг.).

Есть еще два исследования, которые потенциально могли бы быть использованы: Европейское социальное исследование (ESS)⁶ и исследование «Жизнь в переходный период» (Life in Transition (LITs))⁷, но они стартовали лишь в 2006 г. Кроме того, применяемые показатели менялись от волны к волне, что не позволяет их сравнивать. Так, в опрос LITs 2010 г. было включено два вопроса о частоте встреч с родственниками и друзьями, в 2016 г. использовался уже один комбинированный вопрос, где речь шла об этих двух группах одновременно. В Европейском социальном исследовании задается вопрос о частоте встреч с друзьями, родственниками или коллегами по работе, что не позволяет разделить неформальный и семейный социальный капитал. В таблице 1 отражены показатели из WVS, которые будут включены в анализ.

Таблица 1. Показатели различных типов и элементов социального капитала в анкете Всемирного исследования ценностей

Тип капитала	Структурное измерение	Социальное измерение
Семейный (фамилистический)	Проживание с родителями	Важность семьи Доверие семье (тренд с 2006 г.)
Неформальный	Нет показателей в WVS	Важность друзей Доверие знакомым (тренд с 2006 г.)
Формальный	Членство в некоммерческих организациях; спортивных или досуговых организациях; организациях, связанных с культурой, образованием и искусством; экологических организациях; профессиональных организациях	Оправдание таких действий, как: использование служебного положения для получения взятки; неуплата налогов при наличии возможности; проезд в общественном транспорте без оплаты; получение государственных пособий, на которые у человека нет права.
	Факт подписания петиций	Доверие большинству (генерализованное доверие)
	Готовность подписать петиции	Доверие незнакомым (генерализованное доверие, тренд с 2006 г.)

⁴ Официальный сайт Всемирного исследования ценностей: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>.

⁵ Данные седьмой волны Всемирного исследования ценностей были собраны под руководством сотрудников Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ⁶ использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5—100».

⁶ Официальный сайт Европейского социального исследования <http://www.europeansocialsurvey.org/>.

⁷ Официальные страницы исследования «Жизнь в переходный период»: <http://www.ebrd.com/cs/Satellite?c=Content&cid=1395236498263&d=Mobile&pagename=EBRD%2FContent%2FContentLayout>; <http://litsonline-ebrd.com/>.

Наряду с показателями формального членства в НКО мы также включаем факт подписания петиций и (для тех, кто не делал этого ранее) готовность подписать такой документ. Это один из трех вопросов из блока о так называемых прямых формах гражданского участия. Анкета Всемирного исследования ценностей предусматривает еще и вопросы об участии в мирных демонстрациях и бойкотах, однако мы отказались от использования последних двух вопросов. Во-первых, в России и странах бывшего СССР существует довольно давняя традиция участия в праздничных демонстрациях, которые по своей сути не являются формами гражданской активности, так как не направлены на защиту гражданских прав. Во-вторых, как показали претесты, проведенные в рамках подготовки анкеты седьмой волны WVS, далеко не все респонденты адекватно понимают слово «бойкоты».

Важно отметить, что ряд исследователей социального капитала придают прямым формам участия большее значение, чем формальному членству [Welzel, Delhey, 2015]. Действительно, с развитием социальных медиа прямые формы участия позволяют гораздо быстрее и эффективнее выражать интересы различных групп или отстаивать их права. В то же время не стоит недооценивать и роль формальных организаций. Их представители обладают знаниями, способными помочь гражданам в процессе защиты их прав и интересов, хотя этот эффект может зависеть от характера самих организаций (например, см.: [Griesshaber, 2014]).

Анализ трендов различных типов и измерений социального капитала

Начнем с показателей *семейного социального капитала* (см. табл. 2). Важность семьи оставалась довольно высокой на протяжении всех пяти волн: 96—98% опрошенных указывали, что семья очень важна или скорее важна. Справедливости ради следует отметить, что этот показатель очень слабо варьируется во всех волнах и во всех странах. Как правило, он не опускается ниже 94%. Вопрос о доверии семье стали задавать только в пятом раунде, однако он также демонстрирует единообразие и находится в диапазоне от 90% до 99%. В России с 2005 г. по 2017 г. он равнялся практически 100%.

Структурное измерение семейного социального капитала тоже довольно стабильно (см. табл. 2). В 1990 г. доля респондентов, проживающих с родителями, составляла 22%, в 1995 г. — 14%, в 2011 г. — 16%, в 2017 г. — 17%. Среди стран бывшего Советского Союза подобную картину можно обнаружить в Эстонии, Украине и Беларуси. Чуть выше число опрошенных, проживающих с родителями, было в шестой волне в Армении (27%), Казахстане (27%), Кыргызстане (29%), Узбекистане (31%), Грузии (33%) и Азербайджане (37%). Если сравнивать со всеми государствами, представленными в последнем раунде WVS, то самыми низкими значениями характеризуются Нидерланды (6%), Новая Зеландия (9%), Швеция (9%), США (12%) и Германия (12%). Наиболее выражено структурное измерение семейного капитала в Индии (66%), Пакистане (55%), Алжире (53%) и Ливии (52%). Конечно, доля проживающих с родителями респондентов — не самый лучший показатель, однако он все же достаточно неплохо схватывает частоту контактов, поскольку лица, живущие с матерью и/или отцом, будут контактировать с ними чаще, чем респонденты, проживающие отдельно.

Таблица 2. **Динамика показателей социального и структурного измерений семейного социального капитала в России в 1990—2017 гг., % от числа ответивших**

	2 волна (1990)	3 волна (1995)	5 волна (2006)	6 волна (2011)	7 волна (2017)
Важность семьи	96,6	96,7	98,7	98,1	97,7
Доверие семье	—	—	99,0	97,8	97,3
Проживание с родителями	21,7	13,5	—	15,9	16,9

Показатели неформального социального капитала демонстрируют противоречивые тенденции (см. рис. 1). В 1990, 1995 и 2011 гг. примерно 80 % опрошенных при ответе на вопрос о важности друзей выбрали варианты «очень важны» и «скорее важны». В 2017 г. совокупная доля увеличилась до 85 %.

Рисунок 1. Динамика показателей социального измерения неформального социального капитала в России в 1990—2017 гг., % от числа ответивших

По сравнению с бывшими советскими республиками этот показатель — один из самых низких. Сопоставимые с Россией результаты были в 2011 г. только у Азербайджана. Чуть выше уровень важности друзей (около 90 %) был в Эстонии, Узбекистане и Кыргызстане, а больше всего ценили друзей в Грузии (97 %).

Интересно отметить, что примерно такой же уровень важности друзей в последней шестой волне был в Катаре (98 %), Швеции (97 %), Турции (97 %) и Руанде

(97 %). При этом тренды этого показателя для Швеции и Турции, которые принимали участие и в предыдущих волнах, довольно стабильны, и полученные данные неслучайны. В странах с высоким уровнем материального благосостояния друзьям действительно придается большее значение. Так, в Австралии этот показатель в шестой волне составлял 96 %, в Нидерландах — 95 %, Новой Зеландии — 95 %, США — 94 %, Германии — 94 %. Согласно данным пятой волны, в Норвегии он составлял 98 %, в Финляндии — 98 %, в Великобритании — 97 %, в Швейцарии — 96 %, в Канаде — 96 %, во Франции — 92 %. В то же время примерно такая же ситуация характерна для Ливии (96 %), Нигерии (95 %), Кувейта (93 %) и ряда других развивающихся стран. Таким образом, важность друзей — довольно неоднозначный показатель. Его уровень высок в экономически развитых странах, однако и в наиболее бедных странах он примерно на том же уровне. На этот же феномен обратил внимание и Р. Инглхарт [Инглхарт, 2018].

Доверие знакомым — еще один индикатор неформального социального капитала, но, к сожалению, этот вопрос был включен в анкету WVS только в пятой волне, поэтому для России в данный момент доступно только три замера — в 2006, 2011 и в 2017 гг. И в 2006 г., и в 2011 г. около 83 % доверяли людям, которых знают лично, а вот в 2017 г. доля опрошенных, доверяющих знакомым, стала чуть меньше — 78 %.

Среди стран бывшего Советского Союза только Эстония в шестой волне WVS значительно отличалась от России. Там около 91 % респондентов ответили, что полностью или скорее доверяют своим знакомым. Самое низкое значение было зафиксировано в Азербайджане (52 %) и Кыргызстане (68 %).

В странах с высоким уровнем генерализованного доверия также больше доверяют и знакомым. В Новой Зеландии и Норвегии — практически 100 %, Швеции, Австралии, Великобритании, Швейцарии, Канаде — 97 %, Франции и Финляндии — 95 %, в Соединенных Штатах — 92 %, в Германии и Нидерландах — 89 %⁸. Несколько неожиданно выглядят на этом фоне Египет (95 %) и Тайвань (92 %). Менее всего доверяют знакомым в Эквадоре (42 %), Перу (45 %) и Мексике (50 %).

Обратимся к трендам *формального социального капитала*. На рисунке 2 показано изменение генерализованного доверия. В рамках данного исследования оно измеряется при помощи традиционного дихотомического вопроса: «В целом большинству людей можно доверять или, напротив, нужно быть осторожными в отношениях с людьми?». Такая формулировка неоднократно вызывала сомнения относительно ее способности измерять генерализованное, а не специфическое доверие (то есть доверие более узкому кругу людей) [Delhey, Newton, Welzel, 2011; Sturgis, Smith, 2010]. Однако, к сожалению, это единственный показатель, доступный с 1990 г. Более совершенный способ измерения — вопрос о доверии незнакомым людям, появился в WVS лишь в пятой волне. Ряд исследований показали, что доверие специфическое и доверие генерализованное довольно сильно связаны друг с другом [Delhey, Welzel, 2012; Newton, Zmerli, 2011]. Следовательно, этот вопрос можно использовать для анализа трендов, хотя и с некоторой осторожностью.

⁸ Данные по Новой Зеландии, Норвегии, Великобритании, Швейцарии, Канаде, Франции и Финляндии взяты из пятой волны WVS.

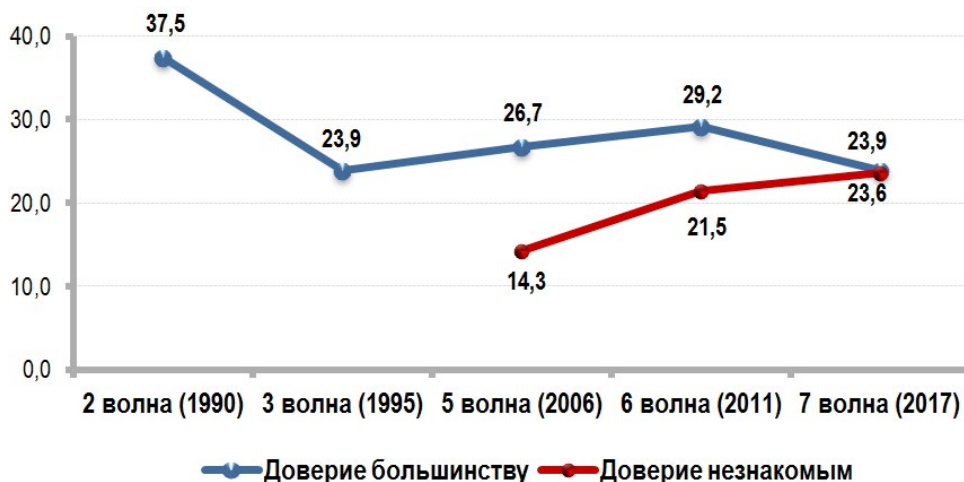

Рисунок 2. Динамика уровня доверия незнакомым и доверия большинству в России в 1990—2017 гг., % от числа ответивших

Как показано на рисунке 2, уровень доверия упал в период с 1990 г. по 1995 г. (с 37 % до 24 %), характеризовавшийся резкими социальными трансформациями. Затем этот показатель восстанавливался достаточно медленно, продемонстрировав наиболее высокое значение в 2011 г. (30 % от опрошенных ответили, что большинству людей можно доверять). К сожалению, седьмая волна зафиксировала небольшой откат, поскольку число доверяющих большинству сократилось с 30 % до 24 %. Такой спад обусловлен скорее снижением специфического доверия, то есть доверия кругу знакомым. Как уже было сказано выше, этот показатель сократился с 85 % до 78 %, а доверие незнакомым в 2017 г. осталось практически на том же уровне (см. рис. 1 и 2). Если это снижение продолжится, следует ожидать и падения уровня доверия незнакомым, так как эти два показателя коррелируют друг с другом (см., например [Newton, Zmerli, 2011; Welzel, Delhey, 2015]).

Если сравнивать Россию с другими странами бывшего СССР, то она занимает промежуточную позицию. Так, в шестой волне чуть больше доверяли большинству в Эстонии (40 %), Казахстане (38 %), Кыргызстане и Беларуси (35 %), хуже дела обстояли в Азербайджане (15 %), Узбекистане (14 %), Армении (11 %) и Грузии (9 %). Наиболее доверяющими странами в шестой волне оказались Нидерланды (67 %), Швеция (61 %) и Китай (63 %), в пятой — Норвегия (74 %) и Финляндия (58 %).

Необходимо отметить, что неожиданно большое число доверяющих респондентов в Китае объясняется несовершенством измерительного инструмента, поскольку в Китае под большинством понимается ближний круг и, таким образом, речь идет о специфическом, а не о генерализованном доверии [Алмакаева, 2014; Delhey, Newton, Welzel, 2011]. Самыми отстающими по этому показателю оказались Филиппины (3 %), Тринидад и Тобаго (3 %), Колумбия (4 %), Гана (5 %), Бразилия (7 %), Эквадор (7 %), Румыния (8 %), Зимбабве (8 %), Перу (8 %) и Малайзия (9 %).

Использование доверия людям, которых респондент встречает впервые, как более совершенного показателя обобщенного доверия, дает меньшие показатели, но в целом тренд восходящий. Так, если в пятой волне 14 % опрошенных доверяли незнакомым, то в шестой волне таких было уже 22 %, в седьмой — 24 %.

В сравнительной перспективе смена показателя обобщенного доверия ведет к трансформации положения России относительно других государств бывшего Советского Союза. Так, в шестом раунде WVS практически нивелировались различия между Россией, Эстонией (23 %), Беларусью (22 %) и Казахстаном (19 %). А вот Украина вышла на первое место (27 %). В то же время Узбекистан (14 %) и Азербайджан (11 %) сохранили за собой позиции в конце рейтинга. Странами с самым высоким уровнем доверия незнакомым снова оказались Норвегия (67 %), Швеция (58 %) и Финляндия (52 %) ⁹. В разряд стран с очень низким доверием незнакомым опять попали Перу (6 %), Малайзия (7 %) и Румыния (8 %).

Другим индикатором социального измерения формального социального капитала является распространенность в обществе так называемых просоциальных установок. По сравнению с генерализованным доверием и гражданской активностью эти показатели значительно реже попадают в поле зрения исследователей, хотя и служат важными характеристиками готовности индивида придерживаться поведения как минимум не наносящего вред обществу. Их показателями в WVS выступают ответы на серию вопросов, фиксирующих возможность оправдания следующих практик:

- Использование служебного положения для получения взятки;
- Неуплата налогов при возникновении такой возможности;
- Проезд в общественном транспорте без оплаты;
- Получение государственных пособий, на которые у человека нет права.

Каждый вопрос измеряется по шкале в 10 баллов, где 1 означает, что такое действие никогда не может быть оправдано, а 10 означает, что действие всегда может быть оправдано. Мы трансформировали эти шкалы в дихотомические, где 1 означает резкое неприятие того или иного действия, а значения от 2 до 10 — разную степень одобрения. Поскольку вопросы об отклоняющемся поведении, как правило, подвержены эффекту социальной желательности, такой подход кажется более адекватным, чем использование средних баллов по данной шкале.

На рисунке 3 отражен процент людей, ответивших, что соответствующие практики «никогда не могут быть оправданы». Данный график позволяет сделать два важных вывода. Во-первых, на протяжении всего рассматриваемого периода наиболее серьезным проступком считалось использование служебного положения для получения взятки, а наименее серьезным — проезд в общественном транспорте без оплаты. Во-вторых, для всех рассматриваемых показателей характерен нисходящий тренд — население России со временем становится лояльнее к возможному нарушению указанных норм. Так, в период с 1990 г. по 2017 г. доля респондентов, не одобряющих взятки, получение государственных пособий и проезд в общественном транспорте, сократилась почти на 30 % (с 85 % до 58 %, с 65 % до 35 %, с 52 % до 24 % соответственно). Менее резкий спад наблюдается для неуплаты налогов — с 53 % до 36 %.

⁹ Данные по Норвегии и Финляндии приведены для пятой волны.

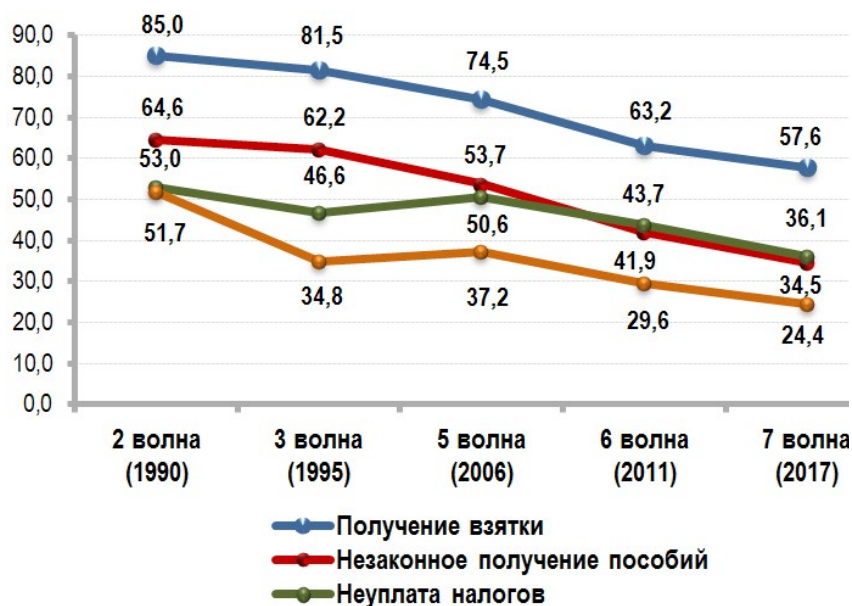

Рисунок 3. Динамика осуждения различных действий в России в 1990—2017 гг., % от числа ответивших

Можно предположить, что толерантность к рассматриваемым действиям увеличивается вследствие снижения институционального доверия, однако это не так (см. рис. 4, 4а)¹⁰. Динамика доверия силовым институтам — судам и полиции — позитивная, доверие парламенту, политическим партиям и правительству после спада в 1995 г. также повышалось.

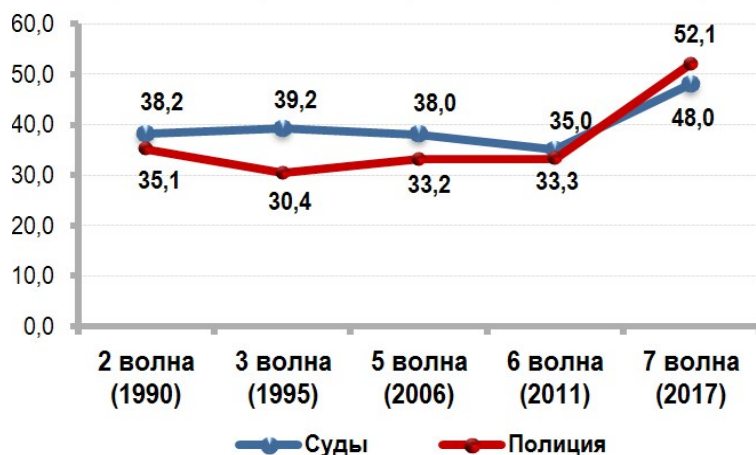

Рисунок 4. Динамика доверия силовым институтам в России в 1990—2017 гг., % от числа ответивших

¹⁰ Для упрощения мы соединили число людей, отметивших, что они «доверяют» или «скорее доверяют» рассматриваемым институтам.

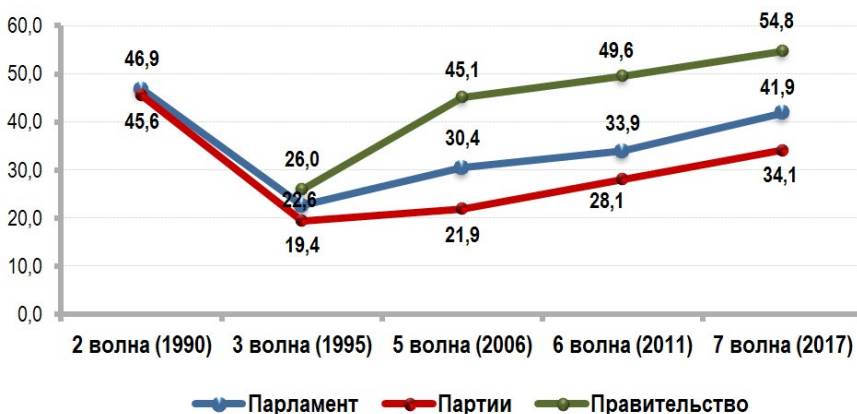

Рисунок 4а. Динамика доверия политическим институтам в России в 1990—2017 гг., % от числа ответивших

Среди государств бывшего СССР, участвовавших в шестой волне, уровень осуждения противоправных действий в России один из самых низких. При этом наша страна практически не отличается от Украины и Беларуси, а наименее терпимыми к таким проступкам оказались Азербайджан, Армения и Грузия. Так, 88% опрошенных в Азербайджане и Грузии и 82% в Армении высказали резко отрицательное отношение к получению взяток. Для неуплаты налогов эти показатели составили 84%, 78% и 70% соответственно. Для безбилетного проезда в общественном транспорте — 85%, 77%, 68%, для получения незаконных государственных пособий — 82%, 70%, 67%. При этом Азербайджан практически по всем анализируемым вопросам находится в числе лидеров не только на постсоветском пространстве, но по всей выборке шестой волны WVS в целом.

Если говорить о положении России относительно аутсайдеров мировых рейтингов, построенных по этим вопросам, то ее место будет меняться в зависимости от конкретного показателя. Самая плохая ситуация сложилась с оправданием безбилетного проезда, здесь Россия и Беларусь занимают предпоследнюю позицию, хуже обстоят дела только в Индии, где только 24% опрошенных указали на невозможность оправдания такого поступка. По оставшимся трем вопросам наша страна занимает срединное положение. Наиболее лояльными странами к получению незаконных пособий оказались Руанда (7%) и Индия (18%), к неуплате налогов — Индия (24%), Руанда (32%) и Ирак (33%), к взяточничеству — Руанда (29%) и Индия (30%). Отрыв России от последнего места составляет 36%, 20% и 34% соответственно.

В качестве индикаторов включенности респондента в гражданскую активность как структурного элемента формального социального капитала мы используем членство в некоммерческих организациях и участие в подписании петиций. Для обеспечения сравнимости между различными временными периодами используются членство в таких организациях, как:

- спортивные или досуговые организации;
- организации, связанные с культурой, образованием и искусством;

- экологические организации;
- профессиональные организации.

Мы специально исключили из анализа политические партии и профсоюзы, чтобы обеспечить большую сравнимость между временными периодами. Из рисунка 5 следует, что доля опрошенных, состоящих в указанных организациях, оставалась довольно стабильной (2—6%) на протяжении 20 лет, а вот 2017 г. характеризовался небольшим ростом членства практически для всех рассматриваемых организаций. При этом наиболее популярными были спортивные и культурные организации, а наименее — экологические. На рисунке 5а отражена доля людей, состоящих в какой-либо одной организации. Этот показатель также демонстрирует восходящий тренд: в 1990 г. примерно 11% ответивших состояли в какой-либо НКО. В 2011 г. этот показатель почти не изменился, а в 2017 г. вырос до 16%.

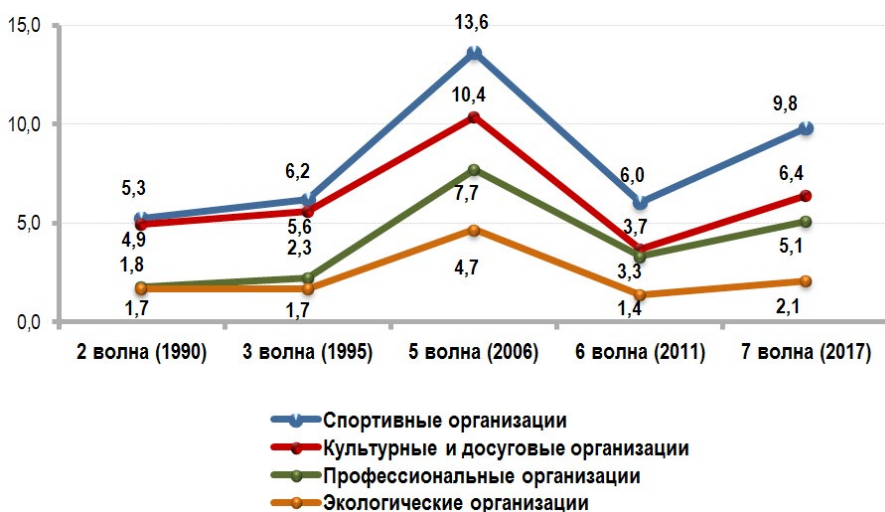

Рисунок 5. Динамика членства в различных организациях в России в 1990—2017 гг., % от числа ответивших

Рисунок 5а. Динамика членства в одной организации в 1990—2017 гг., % от числа ответивших

В целях межстранового сравнения рассмотрим долю людей, состоящих хотя бы в одной организации одного из четырех перечисленных типов. Самый высокий уровень членства в Кыргызстане (38%) и Эстонии — 29%. В Узбекистане, Беларуси и Казахстане — в районе 15—17%, а вот наиболее низкие значения у Грузии (3%), Азербайджана (4%) и Армении (6%). При этом Грузия находится на предпоследнем месте и в мировом рейтинге. Хуже всего ситуация складывается только в Египте (1%). Лидерами по этому показателю среди стран-участниц шестой волны WVS являются Новая Зеландия и, как ни странно, Индия. Здесь практически 80% состояли в какой-либо из рассматриваемых четырех некоммерческих организаций.

Для оценки такого вида активности, как подписание петиций, респондентам предлагалось ответить на вопрос «Участвовали ли Вы когда-нибудь в таком мероприятии, могли бы участвовать или ни при каких обстоятельствах не стали бы участвовать в нем?».

На рисунке 6 представлена динамика доли респондентов, ответивших «да» и «мог бы». По данным WVS, наблюдается уменьшение процента людей, подписывавших петиции. Если в 1990 г. 30% опрошенных подтвердили факт подписания каких-либо петиций, то в 1995 г. этот показатель упал до 11% и к 2017 г. остался примерно на том же уровне (13%). Удельный вес потенциально готовых к такого рода действиям снизился с 44% в 1990 г. до 24% в 2011 г., но в 2017 г. чуть увеличился до 31%, что, несомненно, является позитивной тенденцией.

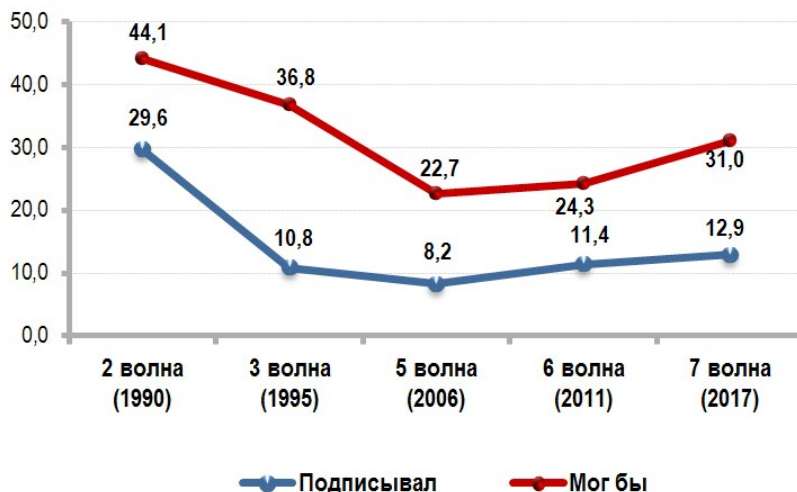

Рисунок 6. Динамика подписания петиций в России в 1990—2017 гг., % от числа ответивших

Среди стран, входивших в Советский Союз, Россия занимает вторую после Эстонии позицию по количеству людей, подписавших петиции. Аутсайдерами стали Казахстан (2%), Кыргызстан (4%) и Азербайджан (4%). Отрыв России от стран-лидеров мирового рейтинга огромен и составляет примерно 70%. Так, в Новой Зеландии, находящейся на первой позиции, 84% опрошенных подписывали петиции. В Австралии — 71%, а в Швеции — 68%.

Заключение

В отличие от широко распространенного деления на «объединяющий» и «разделяющий» социальный капитал, предложенного Робертом Патнемом, в настоящей статье используется более тонкая классификация. Следуя идеям Джанин Нахапиев и Саманты Гошал, а также Флориана Пичлера и Клэр Уоллес [Nahapiet, Ghoshal, 1998; Pichler, Wallace, 2007], авторы прибегают к рассмотрению трех типов капитала — семейного, неформального и формального, — каждый из которых содержит в себе два измерения — социальное (установки) и структурное (социальные связи и поведение). В качестве эмпирической базы используется Всемирное исследование ценностей. Проведенный анализ позволяет сделать ряд заключений.

Во-первых, и структурное, и социальное измерения семейного социального капитала, операционализированные через важность семьи и проживание с родителями, оставались в России стабильными на протяжении всего описываемого периода. Такая ситуация согласуется с выводом Ф. Пичлер и К. Уоллес о том, что позитивные установки по отношению к семье являются базовым фундаментом построения других типов социального капитала.

Во-вторых, показатели неформального и формального социального капитала продемонстрировали разнонаправленные тенденции. По сравнению с 1990 г. в 2017 г. важность друзей слегка возросла, а вот доверие знакомым, наоборот, снизилось. Вероятно, такое расхождение объясняется различным радиусом друзей и знакомых, поскольку первые гораздо ближе к индивиду, чем вторые. Тем не менее увеличение важности друзей все же следует рассматривать как позитивную черту, поскольку они являются промежуточным звеном для распространения социального капитала и на другие группы. В то же время нисходящий тренд для знакомых внушает некоторые опасения, поскольку может свидетельствовать о начинающихся процессах стагнации, а не расширении радиуса социального капитала.

Формальное членство в некоммерческих организациях показывает небольшую положительную динамику. Число людей, готовых подписать петиции, после максимального спада, зафиксированного в 2006 г., в 2011 и в 2017 гг. также возросло. Доверие незнакомым тоже продемонстрировало небольшой подъем. Однако несмотря на эти, без сомнения позитивные сдвиги,стораживает факт, что россияне с каждой новой волной становятся лояльнее к таким действиям, как получение взятки, неуплата налогов, безбилетный проезд и неправомерное получение государственных пособий.

В-третьих, относительно стран бывшего СССР Россия выглядит как страна с наименее выраженным структурным элементом семейного социального капитала (числом людей, проживающих с родителями) и наименее выраженной важностью друзей, а также самой высокой лояльностью к получению взяток, неуплате налогов, безбилетному проезду в общественном транспорте и незаконному получению государственных пособий. В то же время в России более высокий уровень доверия знакомым, доверия большинству и доверия незнакомым, а также большее число людей подписывало какие-либо петиции. Членство в некоммерческих ассоциациях находится на среднем уровне (см. Приложение).

Если рассматривать все страны, принимавшие участие в пятой и шестой волнах Всемирного исследования ценностей, то отставание России от стран-лидеров по показателям формального и неформального социального капитала по-прежнему остается значительным. Особенно это касается доверия, гражданского участия и оправдания антисоциальных действий (см. Приложение).

Из приведенного анализа помимо характеристики российской действительности следует довольно важный вывод. Разнонаправленные тренды, характерные не только для различных типов социального капитала, но и для показателей внутри одного и того же типа, говорят о том, что у них различные детерминирующие факторы. Таким образом, с одной стороны, адекватнее использовать более дробную классификацию социального капитала, а с другой — не комбинировать показатели, демонстрирующие противоположные тенденции, в один индекс. Это позволит внести теоретическую и методическую ясность в существующее предметное поле.

Список литературы (References)

Алмакаева А. Измерение генерализованного (обобщенного) доверия в кросс-культурных исследованиях // Социологические исследования. 2014. № 11. С. 32—43.
Almakaeva A. M. (2014) Measuring generalized trust in cross-cultural studies. Sociological Studies. No. 11. P. 32—43. (In Russ.)

Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60—74. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2002-5-60-74>.

Bourdieu P. (2002) The forms of capital. Economic Sociology. Vol. 3. No. 5. P. 60—74. (In Russ.) https://doi.org/10.17323/1726-3247-2002-5-60-74.

Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31—50.

Granovetter M. (2009) The Strength of Weak Ties. Economic Sociology. Vol. 10. No. 4. P. 31—50. (In Russ.)

Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М. : Мысль, 2018.

Inglehart R. (2018) Cultural Evolution: How People's Motivations are Changing and How this is Changing the World. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121—139.

Coleman J. (2001) Social Capital in the Creation of Human Capital. Social Sciences and Contemporary World Journal. No. 3. P. 121—139. (In Russ.)

Рукавишников В. О. Межличностное доверие: измерение и межстрановые сравнения // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 17—25.

Rukavishnikov V. O. (2008) Interpersonal trust: measurement and cross-country comparisons. Sociological Studies. No. 2. P. 17—25. (In Russ.)

Сасаки М., Давыденко В. А., Латов Ю. В., Ромашкин Г. С. Доверие как элемент социального капитала современной России (компаративистский анализ) // Мир России. Социология. Этнология. 2010. Т. 19. № 2. С. 78—97.

Sasaki M., Davydenko V. A., Latov Yu., Romashkin G. S. (2010) Trust as an Element of Social Capital in Contemporary Russia (a comparative analysis). *Mir Rossii*. Vol. 19. No. 2. P. 78—97. (In Russ.)

Соболева И. В. Деформации социального капитала и перспективы их преодоления // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимодействие. Научные и публицистические заметки обществоведов. Москва, 2010. С. 371—398.

Soboleva I. V. (2010) Deformations of social capital and prospects for overcoming them. In: Non-economic aspects of the economy: an unknowable interaction. Scientific and journalistic notes of social scientists. Moscow. P. 371—398. (In Russ.)

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М. : АСТ, 2004.

Fukuyama F. (2004) Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. Moscow: AST. (In Russ.)

Alesina A., Giuliano P. (2010) The power of the family. *Journal of Economic Growth*. Vol. 15. No. 2. P. 93—125. <https://doi.org/10.1007/s10887-010-9052-z>.

Alesina A., Giuliano P. (2011) Family Ties and Political Participation. *Journal of the European Economic Association*. Vol. 9. No. 5. P. 817—839. <https://doi.org/10.1111/j.1542-4774.2011.01024.x>

Almakaeva A., Welzel C., Ponarin E. (2017) Human Empowerment and Trust in Strangers: The Multilevel Evidence. *Social Indicators Research*. P. 1—40. <https://doi.org/10.1007/s11205-017-1724-z> (дата обращения: 10.11.2017).

Banfield E. C. (1958) The moral basis of a backward society. New York: Free Press.

Delhey J., Newton K., Welzel C. (2011) How General Is Trust in «Most People»? Solving the Radius of Trust Problem. *American Sociological Review*. Vol. 76. No. 5. P. 786—807. <https://doi.org/10.1177/0003122411420817>.

Delhey J., Welzel C. (2012) Generalizing Trust: What Extends Trust from Ingroups to Outgroups? // *World Values Research*. Vol. 5. No. 3. P. 45—69.

Griesshaber N. (2014) Forms of Civic Engagement and Corruption: Disentangling the Roles of Voluntary Associations, Elite challenging Mass Movements and the Type of Trust within Social Networks. *World Values Research*. Vol. 7. No. 1. P. 1—23.

Growiec K., Growiec J. (2014) Trusting Only Whom You Know, Knowing Only Whom You Trust: The Joint Impact of Social Capital and Trust on Happiness in CEE Countries. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 15. No. 5. P. 1015—1040. <https://doi.org/10.1007/s10902-013-9461-8>.

Kääriäinen J., Lehtonen H. (2006) The Variety of Social Capital in Welfare State Regimes — A Comparative Study of 21 Countries. *European Societies*. Vol. 8. No. 1. P. 27—57. <https://doi.org/10.1080/14616690500491399>.

- Lollo E. (2012) Toward a theory of social capital definition: its dimensions and resulting social capital types. URL: <http://socialeconomics.org/Papers/Lollo1C.pdf> (accessed: 25.10.2017).
- Nahapiet J., Ghoshal S. (1998) Social Capital, Intellectual Capital, and the Organizational Advantage. *Academy of Management Review*. Vol. 23. No. 2. P. 242—266. <https://doi.org/10.5465/amr.1998.533225>.
- Newton K., Zmerli S. (2011) Three forms of trust and their association. *European Political Science Review*. Vol. 3. No. 2. P. 169—200. <https://doi.org/10.1017/S1755773910000330>.
- Pichler F., Wallace C. (2007) Patterns of Formal and Informal Social Capital in Europe. *European Sociological Review*. Vol. 23. No. 4. P. 423—435. <https://doi.org/10.1093/esr/jcm013>.
- Portes A. (1998) Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology. *Annual Review of Sociology*. Vol. 24. No. 1. P. 1—24. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.1>.
- Putnam R. D. (1995) Tuning In, Tuning Out: The Strange Disappearance of Social Capital in America. *PS: Political Science and Politics*. Vol. 28. No. 4. P. 664—683. <https://doi.org/10.1017/S1049096500058856>.
- Putnam R. D. (2001) *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. Simon and Schuster, 550 с.
- Sturgis P., Smith P. (2010) Assessing the Validity of Generalized Trust Questions: What Kind of Trust are we Measuring? *International Journal of Public Opinion Research*. Vol. 22. No. 1. P. 74—92. <https://doi.org/10.1093/ijpor/edq003>.
- Tzanakis M. (2013) Social capital in Bourdieu's, Coleman's and Putnam's theory: empirical evidence and emergent measurement issues. *Educate~*. Vol. 13. No. 2. P. 2—23.
- Welzel C., Delhey J. (2015) Generalizing Trust: The Benign Force of Emancipation. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 46. No. 7. P. 875—896. <https://doi.org/10.1177/0022022115588366>.

Приложение 1

Таблица 1. Положение России относительно других стран мира, % от числа ответивших *

Тип капитала	Положение России относительно стран бывшего СССР	Положение России относительно стран-участниц 5-й и 6-й волны WVS	
Семейный	Социальное измерение		
	Важность семьи (98%)	Одинаково выражена у всех стран	Одинаково выражена у всех стран
	Доверие семье (97%)	Одинаково выражено у всех стран	Одинаково выражено у всех стран
	Структурное измерение		
Проживание с родителями (17%)	Россия в конце рейтинга Макс. значение — Азербайджан (37%)	Россия ближе к концу рейтинга Макс. значение — Индия (66%) Мин. значение — Нидерланды (6%)	
Неформальный	Социальное измерение		
	Важность друзей (85%)	Россия в конце рейтинга Макс. значение — Грузия (97%)	Россия в середине рейтинга Макс. значение — Катар (98%), Норвегия (98%), Финляндия (98%) Мин. значение — Перу (57%), Колумбия (71%)
	Доверие знакомым (78%)	Россия ближе к началу рейтинга Макс. значение — Эстония (91%) Мин. значение — Азербайджан (52%)	Россия в середине рейтинга Макс. значение — Новая Зеландия (100%), Норвегия (100%) Мин. значение — Эквадор (42%)
Формальный	Социальное измерение		
	Доверие большинству (24%)	Положение в середине рейтинга Макс. значение — Эстония (40%) Мин. значение — Грузия (9%)	Положение ближе к концу рейтинга Макс. значение — Норвегия (74%) Мин. значение — Филиппины (3%), Тринидад и Тобаго (3%)
	Доверие незнакомым (24%)	Положение в начале рейтинга Макс. значение — Украина (27%) Мин. значение — Азербайджан (11%)	Положение ближе к концу рейтинга Макс. значение — Норвегия (67%) Мин. значение — Перу (6%)
	Осуждение взяток (58%)	Положение в конце рейтинга Макс. значение — Азербайджан (88%), Грузия (88%) Мин. значение — Белоруссия (57%)	Положение ближе к концу рейтинга Макс. значение — Азербайджан (88%), Грузия (88%), Тунис (88%), Катар (88%), Румыния (88%), Тринидад и Тобаго (88%) Мин. значение — Руанда (29%)
	Осуждение незаконных пособий (36%)	Положение в конце рейтинга Макс. значение — Азербайджан (82%) Мин. значение — Эстония (40%)	Положение ближе к концу рейтинга Макс. значение — Нидерланды (87%) Мин. значение — Гонг Конг (6%), Индия (18%)
	Осуждение неуплаты налогов (35%)	Положение в конце рейтинга Макс. значение — Азербайджан (84%) Мин. значение — Россия	Положение ближе к концу рейтинга Макс. значение — Япония (87%) Мин. значение — Индия (24%)
	Осуждение безбилетного проезда (24%)	Положение в конце рейтинга Макс. значение — Азербайджан (85%) Мин. значение — Россия	Положение ближе к концу рейтинга Макс. значение — Азербайджан (85%) Мин. значение — Индия (24%)
	Структурное измерение		
	Членство хотя бы в одной из 4-х организаций (16%)	Положение в середине рейтинга Макс. значение — Кыргызстан (38%) Мин. значение — Грузия (3%)	Положение ближе к концу рейтинга Макс. значение — Новая Зеландия (78%), Индия (78%) Мин. значение — Египет (1%)
	Факт подписания петиций (13%)	Ближе к началу рейтинга Макс. значение — Эстония (18%) Мин. значение — Казахстан (2%)	Положение ближе к концу рейтинга Макс. значение — Новая Зеландия (84%) Мин. значение — Египет (2%)

* Данные по России приведены по седьмой волне WVS, при сравнении с другими странами использовались данные шестой и пятой волн WVS.